

ПРОБЛЕМА ДЕСТРУКТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В МОДЕРНИЗМЕ И ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

Научный руководитель – Гуревич Павел Семенович

Алтафова Анелия Рафисовна

Аспирант

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: aneliya.altafova@gmail.com

Проблема деструктивности человека заняла отдельное место в философском дискурсе лишь в XX веке после выхода в свет поздних работ Фрейда, посвященных «инстинкту смерти». Эта концепция была призвана стать универсальной объяснительной моделью природы человеческой разрушительности, истоков всего социального зла на Земле.

Фундирующим понятием, раскрывающим сущность влечения к смерти, выступает понятие покоя как особого состояния психики, свободного от какого-либо напряжения. Абсолютный покой, по Фрейду, возможен только при условии закрытости. Вместе с тем обособленность от внешнего мира обеспечивает сохранность внутреннего Я [4]. Таким образом, стратегия выживания выстраивается по аполлоническому принципу индивидуации: самосознание обеспечивает отвод смерти посредством контроля и обособления от опасностей жизни. Однако смерть является атрибутом жизни, и попытки отгородиться от смерти с неизбежностью ведут к уклонению от самой жизни. Жан Бодрийяр, ставивший эту проблему во главу угла, пишет со ссылкой на Жоржа Батая, что «пытаться сделать так, чтобы осталась одна только жизнь означает, что останется одна только смерть» [2].

Фрейд занимает сугубо модернистскую позицию, сфокусированную на идее контроля разума над иррациональной частью психики. Деструктивным представляется все, что не подвластно контролю: эмоциональные аффекты, биологические инстинкты, табуированные желания. Цель австрийского мыслителя заключалась не в высвобождении, а в высветлении темных бессознательных влечений для последующего ими управления, поэтому в известной переписке с Эйнштейном о войне он вполне закономерно заключает: «Все то, что в той или иной форме сделано для развития культуры, работает против войны» [5]. Однако события прошедшего столетия, ставшего самым кровавым в истории человечества, едва ли подтверждают этот вывод. Да и сама логика фрейдовской теории влечений приводит, скорее, к обратному заключению, поскольку культура, оказывая давление на психику индивида, усиливает тем самым процесс вытеснения из зоны контроля сознания нежелательных разрушительных аффектов, со своей стороны тоже оказывающих влияние на инстанцию Я.

Натуралистический подход к проблеме человеческой деструктивности, приведший к «биологическому оправданию всех мерзких, пагубных наклонностей» [5], завел исследователей в теоретический тупик, выход из которого наметился в философии постмодернизма, где идея об «инстинкте смерти» получила не буквальное, а символическое прочтение. Парадоксальным, на первый взгляд, образом идея о консервативных влечениях к предшествовавшему состоянию покоя как смерти коррелирует с центральным положением философии стоявшего у истоков постмодернизма Жоржа Батая о стремлении к жизни. Здесь, однако, нет противоречия. Дело в том, что Батай иначе ставит вопрос о самой сущности человеческой жизни. Жизнь протекает как в модусе продолжительности, воплощаемой телесной фактичностью, так и в модусе интенсивности, перетворяющейся во внутреннем опыте и измеряющейся глубиной и остротой эмоциональных переживаний.

В основе разрушительной на социальном уровне деятельности человека лежит его стремление не к покою, а к интенсивности внутренних переживаний. Если интенция Фрейда, действующего в рамках редуccionистской логики, направлена на достижение покоя через ослабление влияния внешнего мира на психический аппарат человека посредством «фильтрации» его сознанием, избегания травмирующих событий и закрытости, то Батай как мистик ориентирован, напротив, на усиление связи с миром, слияние с ним вплоть до полного растворения в нем своего Я. Беспокойство, от которого человек стремится избавиться, является следствием самосознания: именно в момент отделения себя от мира возникает тревога о сохранности себя в мире, который, будучи противопоставленным, угрожает субъекту. Человек же стремится избавиться от этой тревоги, вернувшись в имманентное прошлое, почувствовать себя в мире, «как вода в воде» [1]. Так, чтобы не умереть при жизни, что означает отчуждение от своих истинных желаний, необходимо умереть для жизни - умереть символически, освободиться от страха смерти, открыться жизни с её роскошным избыточным течением, избыточным смертию.

Таким образом, покой, к которому стремится человек, не исключает интенсивности переживаний, напротив: именно в моменты наивысших по своей силе эмоциональных состояний, в которых невозможна рефлексивная работа мысли, в которых человек растворяется, не помня ни прошлого, ни будущего, и возможно достигнуть состояние покоя как забвения себя, как символической смерти Я, как состояния слитности с миром.

Мотив двух смертей прочно укоренился в постмодернистском дискурсе. В частности, французский философ Жиль Делёз различает смерть-замыкание и смерть-размыкание. Сущность смерти-замыкания коррелирует с фрейдовским пониманием её как психического окостенения: это доведенный до абсолюта механизм фильтрации мира, позволяющий не переживать его как катастрофу постоянно. Смерть-размыкание же понимается как «становление-интенсивностью» [3], выход за собственные границы. Потерять ощущение границ своего Я, возможно посредством трагедии (Ницше), преступления (Сад, Батай), катастрофы (Делёз). Все три пути - это пути фантазмические, открывающиеся не в физическом, а символическом пространстве. Фантазм становится трансгрессивным механизмом, приводящим в движение вытесненные порывы и табуированные чувства.

Таким образом, вступая в полемику с рационализмом, возвеличивающим разум как истинное антропологическое начало, философы постмодернизма находят референцию в иррациональных побуждениях и чувственности тела. Разум насильственен по отношению к «сердцу» человека: упорядочивая реальность, устанавливая утилитарные отношения целесообразности и долженствования, он подавляет «низменную» дионисийскую часть души. Поэтому преступление, понимаемое символически, способствующее трансгрессивному самостановлению, самоосуществлению индивида, обретает положительные коннотации.

Источники и литература

- 1) Батай Ж. Теория религии // «Проклятая часть»: Сакральная социология. М., 2006. С. 699.
- 2) Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 277.
- 3) Делёз, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делёз, Феликс Гваттари. Екатеринбург; М., 2010. С. 382.
- 4) Фрейд. З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1925.
- 5) Фрейд. З. Почему война?: <http://www.psyoffice.ru/page,3,3815-pochemu-vojjna-neizbezhna-li-vojjna-otkrytye.html>.